

ФРУМКИНА Р. М.

СМЫСЛ И СХОДСТВО

Данная статья содержит результаты работы, замысел которой возник из попыток изучать семантические проблемы с психолингвистических позиций. Психолингвистический подход ставит своей целью описание тех представлений о смыслах и отношениях между ними, которые имеются в психике говорящих индивидов. Как подробно показано в работах [1, 2], изучение лексического значения как психического образования не сводится к задачам, решаемым собственно лингвистической семантикой. Нужны иные теоретические конструкты и соответствующие им экспериментальные методики. В качестве основного теоретического конструкта, который позволяет описывать характеристики субъективной интерпретации смысла, мы выбрали отношение субъективного сходства по смыслу.

Нас будет интересовать раскрытие собственно человеческих способов переработки сигналов внешнего мира в «смыслы» [3]. В комплексе возникающих при этом вопросов важное место занимает следующий: как человек выделяет и как естественный язык фиксирует такие фундаментальные отношения, как сходство — несходство; тождество — различие; целое — часть; элемент — множество; общее — частное; свойство — носитель свойства и т. д. Полезно при этом задуматься над тем, что мы знаем о простейших, элементарных психических операциях (такой операцией, в частности, представляется на первый взгляд сравнение объектов с целью установления их сходства). При ближайшем рассмотрении и операция сравнения объектов с целью установления их сходства или несходства, и само отношение сходства оказываются вовсе не элементарными. К сходству по смыслу это относится в первую очередь.

Сама по себе задача изучения сходства как отношения между объектами (в том числе между словами) имеет свои традиции, однако не в лингвистике, а в психологии.

Собственно лингвистическая постановка задачи изучения сходства по смыслу как содержательного естественно-семантического отношения была предложена нами в работе [4]¹. Эта задача в дальнейшем решалась на материале слов-цветообозначений [2, 5, 7, 8] и на материале группы слов, именующих посуду и кухонную утварь [9]. Полученные в этом цикле работ результаты побудили нас поставить некоторые общие вопросы, связанные с изучением сходства как отношения. Ниже мы ограничимся обоснованием использованного нами операционального определения сходства; 2) сущность двух подходов к анализу отношения сходства: «признаковый» подход и «целостный» подход; 3) сходство как ориентированное отношение; 4) перспективы использованного нами подхода.

1. Определение сходства через операцию свободной классификации. Операциональное определение сходства во всех наших работах было основано на следующей процедуре. Участники эксперимента получали инструкцию, где предлагалось разделить слова некоторого набора на любое число непересекающихся классов в соответствии со своими представлениями о том, какие слова похожи между собой по смыслу. Слова предлагались в виде пачки карточек, причем на каждой карточке было напечатано одно слово. Каждый испытуемый

¹ Обзорные данные и критический анализ работ, где слова сравнивались по смыслу с иными целями, см. [6, 7].

(далее — и.) раскладывал карточки на кучки. Количество классов² никак не ограничивалось, а понятие «сходства» не пояснялось. Построенный таким образом эксперимент по традиции называется экспериментом по свободной классификации — в противоположность методикам, где или указывается число классов, на которые желательно разделить набор объектов, или как-то поясняется принцип, согласно которому надлежит действовать. Экспериментатор считал похожими те слова, которые оказались помещенными в одну кучку (класс), непохожими — помещенные в разные кучки.

Итак, от отдельного и. в данном эксперименте требуется очень мало: он должен лишь выразить свое мнение о сходстве — несходстве смыслов слов, помещая похожие по смыслу слова в одну группу, а не похожие — в разные. Задачу обобщения показаний многих испытуемых (далее — ии.) для выявления в полученных первичных данных какой-либо структуры должен решать исследователь. Обратим внимание на то, что при такой экспликации сходства участники эксперимента и исследователь занимают как бы противоположные позиции. Для ии. представления о сходстве предшествуют формированию класса: если, по их мнению, слова *тарелка* и *поднос* — похожи, то они помещаются вместе, в один класс; если *серебристый* похож на *серый*, то они оказываются в одной группе. Для экспериментатора все обстоит как раз наоборот: он строит свои умозаключения о сходстве после того, как каждое слово получило какое-либо место в индивидуальных разбиениях, т. е. он идет от класса к сходству.

Специальный анализ показывает, что разные ии. могут руководствоваться самыми разными соображениями при осуществлении акта классификации [10, 11]. Почему мы отвлекаемся от различий в содержании этой психической деятельности и считаем себя вправе обращаться лишь к ее результатам? Просто потому, что при данной операциональной экспликации сходства у нас нет иного способа: ведь процесс вынесения суждения о сходстве не поддается наблюдению, тогда как результат суждений — полученные группировки — можно наблюдать. Но, в таком случае, нет ли более подходящих способов получить от ии. данные о сходстве, чем операция классификации?

Другие способы, действительно, есть, однако они также являются операциональными, т. е. зависят от определенной экспериментальной процедуры и вне ее теряют содержание. Приведем пример операционального определения сходства, основанный на анализе ошибок при восприятии объектов. Используем с этой целью наиболее простой пример — ошибки восприятия букв при опознании в затрудненных условиях. Достаточно предъявить ии. буквы в тахистоскопе, как окажется, что некоторые буквы часто смешиваются между собой, а некоторые — практически не смешиваются [12]. Построим таблицу, где строки соответствуют предъявленным буквам (стимулам), столбцы — ответам, а в клетках записана частота ответов на данный стимул. На главной диагонали полученной матрицы окажутся числа, соответствующие правильным ответам, в прочих клетках — частоты ошибочных ответов. Такая матрица практически всегда оказывается несимметричной. Например, *A* не обязательно столь же часто смешивается с *L*, что и *L* с *A*. Теперь можно предложить операциональное определение сходства, основанное на частоте соответствующих смешений: будем считать более похожими те буквы, которые смешиваются чаще, и менее похожими те, которые смешиваются реже. Мы по-прежнему, однако, не знаем ничего о механизмах, обуславливающих те или иные смешения, и судим о похожести букв только на основании частот наблюдаемых смешений.

Может возникнуть вопрос: почему мы не задаем участникам эксперимента прямых вопросов о том, какие слова они считают похожими по смыслу? Ответ состоит в следующем. Для наивного носителя языка прямое сравнение смыслов слов не является естественной операцией — оно требует метаязыковой рефлексии. Но именно рефлексии о языке мы

² Слово «класс» здесь и далее употребляется как синоним слова «группа».

старались избежать, поставив своей целью изучение представлений о смыслах у рядовых носителей языка (подробное обсуждение этого вопроса можно найти в работе [4]). Простота задачи, которую решают ии. в экспериментах по свободной классификации слов, позволяет надеяться на то, что мы не привносим в получаемые результаты рефлексии, специфичной для сознания лингвиста. Как правило, однако, чем проще и естественнее задача, которую решает участник эксперимента, тем сложнее бывает извлечь из первичных данных ответ на поставленный вопрос.

Итак, мы полагаем, что использованное нами операциональное определение сходства вполне оправдано целями данного исследования. Более того, оно оправдано и нашими гипотезами относительно механизмов сравнения смыслов. К этому аспекту проблемы мы и перейдем.

2. Два подхода к анализу отношений сходства. Как правило, при изучении сходства вообще, и в частности сходства по смыслу, исследователя интересует не сам факт установления сходства, а выяснение того, почему один объект похож на другой. Констатация сходства или различия — не конец, а начало работы. Например, в работе Филленбаума и Рапопорта [13], где ии. устанавливали отношения сходства на парах слов-цветообозначений, предполагалось, что сравнение смыслов подобных слов ведется в терминах координат «цветового пространства» (color space) — тона, яркости и насыщенности. В том же исследовании при изучении сходства смыслов слов, обозначающих профессии, предполагалось, что носители языка оперируют какими-то характеристиками, «атомами субъективного смысла». В работе Миллера [14], наиболее известной среди тех, которые выполнены в парадигме свободной классификации, в неявной форме также предполагалось, что ии. усмотрят в предъявленных им словах противопоставления по нескольким признакам, — таким, как живое — неживое, предмет — свойство, «конкретное» — «абстрактное». Даже если гипотеза, согласно которой ии. в процессе вынесения суждений о сходстве пользуются определенными признаками, не формулируется на уровне постановки проблемы, она очевидна из характера методики и аппарата, используемого для анализа результатов. В частности, в упомянутой работе Филленбаума и Рапопорта методика получения исходных данных построена так, чтобы для их анализа впоследствии можно было использовать аппарат многомерного шкалирования. Методы многомерного шкалирования в целом как раз и представляют собой совокупность вычислительных процедур, ориентированных на обработку оценок сходства с целью описания признаков, на которых (гипотетически) эти оценки основаны [15]. У экспериментатора при этом обычно имеются некоторые априорные гипотезы относительно признаков, в терминах которых (неосознанно, быть может) ведется сравнение объектов.

В работе [16], в которой автору данной статьи принадлежит раздел «Постановка задачи», мы сочли нужным обратить специальное внимание на то, что при отсутствии исходной содержательной гипотезы относительно характера используемых в процессе сравнения субъективно полезных признаков мы вообще не могли бы рассчитывать на содержательную интерпретацию результатов.

Идея признаков, выделяемых индивидом в процессе сравнения, кажется настолько очевидной, что мы не обнаружили в литературе альтернативных подходов к задаче изучения сходства. Все модели, которые, по замыслу экспериментатора, должны тем или иным образом имитировать интуицию человека, выносящего суждения о сходстве, базируются на «признаковом» подходе. «Признаковый» подход используется и в тех случаях, когда входные данные имеют вид классификации (соответствующий случай разобран в работе А. Ю. Терехиной [17], содержащей очень ясное изложение принципов применения аппарата многомерного шкалирования к задачам изучения сходства).

Но всегда ли «признаковый» подход является адекватным хотя бы на уровне формулировки исходной гипотезы? Покажем на примере, что в ряде случаев сравнение объектов заведомо не может вестись в терминах признаков. Обратимся с этой целью к относительно более простым объек-

там, а именно — к буквам. В работе [18], где для анализа сравнения сходства букв русского алфавита по начертанию используется «признаковый» подход и, соответственно, аппарат многомерного шкалирования, буквы были записаны одинаковым шрифтом — «рубленной гарнитурой». Понятие сходства пояснялось следующей инструкцией. Ии. предъявлялись три пары латинских букв: *I — J*; *N — W*; *O — X* и говорилось, что в первых двух парах буквы похожи, а в третьей — не похожи. Задумаемся над тем, что произойдет, если предъявить ии. буквы, записанные разными шрифтами, так, что в наборе окажутся *a*, *A* и *a*; *B* и *b*; *m* и *T*. Бросается в глаза, что с точки зрения «чистой графики» *a* ближе к *o*, чем к *a*. Тем не менее, нормальный человек при той же инструкции имеет тенденцию объединять в классы эквивалентностей все *a*, все *b*, все *m* и т. д. Опора на «чистую графику», т. е. ситуация, когда человек не в состоянии объединить *a*, *A* и *a*, обычно свидетельствует о патологии — нарушении речевых функций по крайней мере на уровне гнозиса (так называемая агнозия на буквы [19]). Эксперименты в норме и патологии показывают, что буквы знакомого алфавита, как и многие другие хорошо известные изображения, сравниваются и отождествляются не путем анализа (выделение признаков или разложение на элементы), а напротив, именно как неразложимые целостности. Большой материал, полученный в эксперименте по сравнению смыслов слов-цветообозначений, также показывает, что мы не оперируем при этом какими-либо признаками, а сравниваем соответствующие смыслы как целостности [7].

Операции с целостностями — это специфически человеческий (в противовес «машинному») способ сравнения объектов для установления сходства или тождества между ними. Что же следует иметь в виду, говоря о «целостностях» применительно к словам? В качестве примера обратимся к процессам восприятия. Как показывают многочисленные данные экспериментов по изучению зрительного восприятия слов, слова не разлагаются в общем случае ни на буквы, ни на слоги, а воспринимаются как целое. Это особенно ярко видно в экспериментах, где испытуемому говорят, что ему будут предъявлять для зрительного восприятия слова, а на деле предъявляют квази-слова, т. е. объекты, которые ему незнакомы. Примечательно, что даже в этих случаях и. продолжает сохранять установку на восприятие слова как целостной единицы и только в последний момент переходит на побуквенное чтение [20]. Мы сравниваем как целостности изображения знакомых предметов и, быть может, поэтому опознаем их независимо от ракурса. То же относится к изображениям лиц, цветообразцам, фрагментам мелодий. Отсюда, однако, не следует делать вывод о том, что в памяти мы храним полное описание всех объектов, воспринимаемых как целостности. Скорее всего, мы храним некоторые «вырожденные» описания соответствующих «целостностей», эффективные для принятия решений о сходстве, несходстве или тождестве объектов, а тем самым и для выбора нужных действий [3]. Это предположение скорее всего справедливо для операций, связанных не только с задачами узнавания объектов, но и с более сложными операциями и, в частности, с операциями над «смыслами». Мы, однако, до сих пор не знаем, как устроены специфически человеческие описания целостностей, столь простые для человека и столь недоступные для ЭВМ. Мы скорее знаем, чего человек не делает при операциях с «целостностями»: так, он не пользуется понятием «признак» в общепринятом значении этого слова.

Можно полагать, что эксперименты по изучению сходства методом свободной классификации позволят получить интересные данные о том, как носитель языка оперирует смыслами как целостностями. Любопытно, что гипотеза относительно того, что некоторые языковые объекты следует описывать как неразложимые целостности, была выдвинута А. Вежбицкой в ситуации, казалось бы, крайне далекой от предмета обычных экспериментов по изучению сходства. Речь идет о проблеме описания имен естественных родов (*natural kinds* [см. 21, 22]) и вообще о возможности построения иерархической семантической классификации существительных. Процесс отнесения имен *болонка*, *шпиц*, *сенбернар*, *такса* к гипе-

рониму «собака» явно не строится на выделении элементарных смысловых признаков. В определенном аспекте (размер) болонка больше похожа на кошку, чем на сенбернара, а шпиц (пушистость) на лису и т. д.

Итак, имена типа *береза, кошка, собака* и тому подобные мы сравниваем как целостности [23]. Таким же образом, как нам представляется, происходит установление сходства слов-цветообозначений. Представление о цвете, вызываемое у человека словами типа *желтый, гранатовый*, выступает как целостное, и в дальнейшем, при сравнении с другими словами-цветообозначениями не происходит выделения каких-либо элементарных смыслов.

Подтверждается ли гипотеза об операции смыслами как целостностями на материале других лексических групп? Практически во всех экспериментах по свободной классификации мы наблюдали феномен, который можно назвать «сначала класс, потом — принцип его образования». Это означает, что ии. вначале объединяют объекты в классы не путем выделения каких-либо общих признаков, а по степени «вообще-похожести» этих объектов. Лишь после того, как класс образован, ии. придумывают принцип, обосновывающий такое, а не иное решение о сходстве. Иногда этот принцип «сочиняется» как апостериорная вербализация. Рассмотрим следующий класс, образованный в эксперименте по свободной классификации группы слов-наименований посуды и кухонной утвари: *чашка, блюдце, сахарница, чайник, щипчики, конфетница* (заметим, что такая и сходные группы встречаются у разных ии.). Трудно найти какой-либо элементарный смысловой признак, объединяющий блюдце и щипчики, конфетницу и чашку и т. д. Обычный вид обоснования такой группировки — «предметы, используемые при чаепитии» [9]. Слова, обозначающие конкретные предметы, сравниваются как целостности, участвующие в одной и той же жизненной ситуации, а не через признаки, описывающие эти предметы. Это подтверждается большим числом случаев затруднений, возникающих у ии., когда экспериментатор настаивает на эксплицитном объяснении принципа классификации. Ии. достаточно часто говорят: «не знаю, почему, но это должно быть вместе»; «мне кажется, что эти слова нельзя разъединять»; «это никуда не подходит»; «все это, пожалуй, должно быть по отдельности» и т. п.

Объединения по «вообще-похожести» мы наблюдали впервые в экспериментах с классификацией пуговиц [6]. Сходные данные получены М. Аннетт в экспериментах с классификацией слов [24]. Ж. Пиаже, изучавший процессы классификации и выявления сходства в онтогенезе [25], называл такие классификации «эмпирическими», подчеркивая, что они свидетельствуют о несформированности абстрагирующей функции мышления. Если несколько отвлечься от терминологии, то мы увидим, что сходной точки зрения придерживался А. Р. Лурия, изучавший процессы классификации у представителей традиционных сообществ [26]. На самом деле, судя по нашим данным, появление классификаций, в которых нельзя усмотреть «подведения под родовое имя» (т. е. таких, которые Пиаже называет «эмпирическими», А. Р. Лурия, а также Коул и Скрибнер [27] — «ситуационными» или «функциональными»), не обязательно определяется возрастом и, во всяком случае, не связано с образовательным цензом³.

Уже в предварительном эксперименте по изучению сходства на материале слов конкретной лексики [9] оказалось, что обычные взрослые ии. с высшим образованием многократно предлагали объединения, заведомо не подводимые под «родовое имя». Более того, предлагавшиеся этими ии. обоснования таких объединений мало чем отличались от приведенных у А. Р. Лурия объяснений неграмотных носителей языка.

С нашей точки зрения, объяснения по «вообще-похожести», о которых мы говорили выше, обусловлены в первую очередь спецификой предъявляемого материала. Примером являются данные, полученные нами в пред-

³ Обсуждение этого круга вопросов в более широком контексте читатель найдет в работах П. Тульviste [28].

варительном эксперименте по свободной классификации слов, именующих «кушанья». Работая с набором из 72 слов, где наряду со словами *хлеб, булочка, сугари, печенье* есть слово *бутерброд*, а наряду со словами *колбаса, сардельки, сосиски* есть слово *ветчина*, испытуемый — доктор филологических наук — образует класс {*бутерброд, ветчина*} с обоснованием «бутерброд может быть с ветчиной, поэтому я помещаю их вместе». В том же эксперименте другой участник — кандидат филологических наук — объединяет слова *каша* и *пюре* в группу «гарниры» с обоснованием: «кашу я не ем отдельно». Приведенные примеры не являются исключениями. Во всех этих случаях сравнение по «вообще-похожести» объясняется а) тем, что для и. объект (слово) не описывается через признаки (это верно и для слов-цветообозначений, и для слов-существительных «конкретной» лексики); б) тем, что применительно к данному набору объектов или слов задача их классификации безотносительно к конкретной ситуации или цели оказывается неожиданной. «В жизни» мы не делим на классы имена посуды или имена кушаний; но, с другой стороны, «в жизни» эти имена, как и их денотаты, не фигурируют как нечто, описываемое по признакам. «Вообще-похожесть» — это в сущности сугубо человеческий способ сравнения объектов с помощью коротких и нестандартных их описаний, т. е. «вырожденных» описаний, относящихся к объектам как к целостностям. «Вообще-похожесть» может быть обусловлена сходством по функции, участием в одной ситуации, смежностью по нахождению в пространстве (ср. апостериорные обоснования типа: *это я держу в духовке; это у меня стоит в серванте*), сходством по оценке (*это я не использую; это я не люблю*) и многими другими причинами. Объединения по «вообще-похожести» — это «вообще-классы». Задача исследователя — найти закономерности их образования.

3. С х о д с т в о к а к о р и е н т и р о в а н н о е о т н о ш е н и е. Отношение сходства, устанавливаемое на объектах, сравниваемых как целостности, имеет некоторые интересные особенности. Остановимся на асимметрии сходства как экспериментально наблюдаемом феномене. Согласно формальной экспликации сходства [29], сходство как отношение предполагает: а) рефлексивность — объект всегда похож на самого себя; б) симметричность — два объекта сходны или не сходны вне зависимости от порядка сравнения — сравниваем ли мы А с Б или Б с А. Очевидно, что свойство рефлексивности обсуждать не стоит, оно сохраняется, а вот с симметричностью дело обстоит сложнее. Действительно, если сходство между объектами устанавливается путем разложения объекта на признаки и сравнения по значениям признаков, то порядок сравнения безразличен и отношение сходства симметрично. Если же объекты сравниваются как целостности, сходство в ряде случаев целесообразно рассматривать как ориентированное, а не как симметричное отношение [30]⁴.

Сравним следующие утверждения: *Сын похож на отца; Портрет похож на оригинал; Индиговый цвет похож на синий*. Все эти утверждения имеют общую схему: А похож на Б. Если мы, в соответствии с формальными свойствами отношения сходства, попытаемся поменять А и Б местами, эти утверждения не перестанут быть верными, но окажутся неестественными. Например, утверждения типа *Отец похож на сына* или *Оригинал похож на портрет* будут восприниматься как каламбур.

Чтобы описать ориентированность отношения сходства, А. Тверски предложил называть объект, служащий при сравнении «точкой отсчета», референтом сравнения. Акт сравнения, тем самым, состоит в том, что некий объект сравнивается с референтом. Выбор референта чем-то должен быть обусловлен. Референт по сравнению с другим членом пары — объектом, подлежащим сравнению, — видимо, имеет особые свойства. В самом общем смысле можно сказать, что референт должен быть неким эталоном. В англоязычной литературе в этом случае принято говорить о «прототипичном объекте», «центре категории» и т. п. (ср. [31] и другие работы Э. Рош). Интерпретация понятия прототипичного объекта, равно как и

⁴ Ср. выше замечание о том, что матрица смешений чаще всего несимметрична.

анализ экспериментальных процедур, позволяющих его выявлять, — тема другой работы. Здесь мы ограничимся комментариями по поводу возможного содержания термина «эталон».

«Эталонность», с нашей точки зрения, может быть обусловлена разными причинами, а именно: 1) «аксиомами действительности», т. е. объективной картиной мира; 2) социокультурными представлениями; 3) глубинно-психологическими закономерностями. К (1) можно отнести все случаи ориентированных сравнений типа *портрет похож на оригинал, изгруженный поезд совсем как настоящий* и прочие, где асимметрия отношения сходства обусловлена устройством мира: репрезентация объекта вторична по отношению к объекту; потомок потому и похож на предка, что происходит от него, и т. п. К (2) можно отнести случаи, когда выбор эталона обусловлен сугубо культурными факторами. Так, в экспериментах Рош ии. признавали верными утверждения вида *103 — это почти то же самое, что 100*, но не утверждения *100 — это почти то же самое, что 103*. И это понятно: в культуре, где безоговорочно доминирует десятичная система счисления, числа типа 10, 100 и т. п. культурно маркированы. К ситуации (3), когда «эталонность» обусловлена собственно-психологическими закономерностями, можно отнести результаты экспериментов А. Тверского по сравнению геометрических фигур. А. Тверски исходил из известного представления о «хороших» и «плохих» фигурах, сформулированного в гештальт-психологии: из двух однотипных фигур «хорошей» считается фигура с выраженной симметрией, по сравнению с которой фигура без выраженной симметрии будет считаться «плохой». А. Тверски предположил, что если две фигуры с точки зрения наличия симметрии в них могут рассматриваться соответственно как «хорошая» и «плохая», то в качестве референта ии. будут выбирать «хорошую» фигуру. Одновременно, если обе фигуры в равной мере могут считаться «хорошими», но одна из них имеет заведомо более сложную структуру, то более сложная фигура будет выбираться в качестве референта. С целью проверки этих гипотез он составил два набора из геометрических фигур. В первом наборе одна фигура в паре была «лучше» по форме, например, с симметрией, во втором — обе фигуры примерно с равным основанием могли считаться «хорошими по форме», но одна была сложнее другой. Ии. должны были, получив фигуры в парах, где левый и правый члены случайно варьировались, выбрать для каждой пары (как более подходящее) одно из следующих двух суждений: *Левая фигура похожа на правую; Правая фигура похожа на левую*. Эксперимент показал, что во всех случаях в качестве референта в суждении о сходстве ии. указывали на лучшую по форме или более сложную фигуру.

Асимметрия отношения сходства, наблюдаемая при сравнении смыслов отдельных слов, скрывает за собой, как можно думать, все перечисленные выше аспекты «эталонности» одного смысла по отношению к другому, но особый интерес среди них представляют случаи асимметрии, обусловленные переплетением культурно-обусловленных и глубинно-психологических факторов.

Асимметрию отношений сходства мы наблюдали в эксперименте по свободной классификации слов-цветообозначений [5, 7]. Напомним, что в этом эксперименте ии. предлагался большой набор слов-цветообозначений, которые надо было разложить на группы, исходя из своих представлений о сходстве этих слов по смыслу. Каждый и. мог действовать в соответствии со своим представлением о том, что значит «похожий по смыслу» применительно к данному материалу. Как показано в работе [32], интерпретации сходства у разных ии. были весьма разными, классы они образовывали, руководствуясь самыми разными основаниями, и, что важно, в процессе работы один и тот же и. мог использовать разные основания классификации одновременно. Несмотря на это, при объединении полученных результатов в единую групповую матрицу сходства мы получили вполне содержательную картину.

На уровне анализа одной индивидуальной классификации мы можем лишь сказать, что «синий помещен вместе с индиговым, и это значит, что

они похожи». Предложенный А. В. Михеевым метод обработки усредненной матрицы сходства (подробное описание процедуры см. [7, 8]) позволил построить некоторую меру сходства. Введенная мера сходства позволяет констатировать то, что *индиговый* похож на *синий* в большей мере, нежели *синий* на *индиговый*. В примере *синий* — *индиговый* неравноценность членов пары (*синий* — референт) довольно очевидна. В других же случаях несимметричность сходства выявляется только в результате детального анализа. Существенно, что асимметрия сходства в нашем материале наблюдается столь часто, что оказалось необходимым для всех выявленных «сходств» оговаривать, симметричны ли они. В конечном счете мы обнаружили, что есть такие слова, о которых следует говорить, что прочие слова-цветообозначения похожи на них, но не наоборот. Например, в пределах группы слов, указывающих на разные оттенки сиреневого, тем словом, на которое похожи остальные, оказалось *фиолетовый*: это своего рода «центр притяжения» для слов определенной группы. Содержательно это значит следующее: если в каком-либо классе присутствует слово *фиолетовый*, то весьма велики шансы обнаружить там же слово *сиреневый* или слово *лиловый*; обратное же — неверно.

В экспериментах по изучению сходства на материале слов «конкретной» лексики мы предполагаем выяснить степень общности описанных выше наблюдений.

4. Перспективы использованного подхода. В данной работе мы коснулись только трех аспектов, связанных с изучением сходства по смыслу как естественно-семантического отношения. Мы обсудили обоснованность использованной нами экспериментальной методики, поскольку в ее основе лежит определенное операциональное определение отношения сходства. Далее мы подчеркнули, что изучение сходства с помощью методики свободной классификации соответствует предположению о том, что, устанавливая сходство, человек в общем случае оперирует с целостностями, а не разлагает сравниваемые объекты на признаки. Наконец, мы рассмотрели одно важное свойство отношения сходства по смыслу, которое нам удалось наблюдать в эксперименте, — асимметрию отношений сходства по смыслу между словами. У читателя, возможно, возник следующий вопрос: что же изучается в экспериментах, где задача участников — дать классификацию слов с точки зрения их сходства по смыслу, — сходство слов, т. е. имен, или сходство их денотатов? Второй вопрос, который мы также предвидим и который отчасти является продолжением первого, — на какие собственно лингвистические вопросы можно ответить, работая в данной экспериментальной парадигме?

Попытаемся ответить на оба вопроса одновременно. Изучать язык как знаковую систему, по нашему мнению, несравненно проще, чем пытаться изучать его как феномен психики. Именно поэтому знаменитый тезис Э. Бенвениста о необходимости постижения «человека в языке» скорее провозглашался, нежели находил реализацию в конкретных исследованиях. Невозможно, однако, изучать язык как феномен психики, игнорируя проблемы мышления: это *contradictio in adjecto*. Естественный язык — одна из форм фиксации нашего знания о мире. Если же говорить не о научной картине мира, а о наивной, т. е. о той целостной картине мира, которая отражена в сознании каждого, то естественный язык здесь обладает несомненным приоритетом. Каждому человеку, вероятно, случалось испытывать неудобство при необходимости оперировать предметами, лишёнными имен, — например, рассматривая цветы, названия которых ему неизвестны, или бытовые предметы неизвестного назначения. Отсюда и рождаются многочисленные экспресс-номинации [33]: давая предмету имя, мы помещаем его сразу в некую клетку сложнейшей наивной систематики, о чем сами, конечно, и не подозреваем. Ономасиологические процессы не менее тесно связаны с мышлением, чем процессы классификационные. По традиции, однако, процессами ономасиологии заниматься положено лингвистам, а процессами классификации — психологам. Именно психологами и выполнены практически все известные нам работы, где участники эксперимента занимались свободной классификацией слов.

Цель этих работ — изучение процессов мышления, а не изучение языка. Так или иначе авторы этих исследований полностью абстрагировались от специфики слов как языковых знаков и вообще от специфики операций со смыслами, в силу чего и результаты этих работ имеют ограниченную обобщающую силу, в том числе и для изучения мышления [6].

Отношения сходства-различия, лежащие в основе любой классификации, принадлежат к наиболее фундаментальным для нашего мышления. Мы тем не менее почти ничего не знаем о механизмах установления этих отношений. Пока мы можем лишь сказать, что как это ни парадоксально, во многих аспектах наивная классификация и наивная систематика намного сложнее научной — прежде всего в силу своей пластичности. Для любых новых задач, моделями которых и служат наши эксперименты, человек умеет вырабатывать «вырожденные» описания объектов, полезные именно для данного случая, эффективные именно в силу своей краткости.

Понять закономерности «наивной» классификации — значит понять закономерности построения нестандартных описаний, специфичных именно для человеческого способа работы со смыслами. В этом мы видим дальнейшие перспективы исследований отношений сходства методами свободной классификации!

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрумкина Р. М. О методе изучения семантики цветообозначений. — Семиотика и информатика, 1978, № 10.
2. Фрумкина Р. М. Психолингвистические методы изучения семантики. — В кн.: Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
3. Бонгард М. М. Проблема узнавания. М., 1967.
4. Фрумкина Р. М. Об отношениях между методами и объектами изучения в современной семантике. — Семиотика и информатика, 1979, № 11.
5. Фрумкина Р. М., Михеев А. В., Терехина А. Ю. Экспериментальное изучение семантических отношений в группе слов-цветообозначений. М., 1982.
6. Звонкин А. К., Фрумкина Р. М. Свободная классификация: модели поведения. — Научно-техническая информация, сер. 2, 1980, № 6.
7. Михеев А. В. Психолингвистическое исследование семантических отношений (на материале слов-цветообозначений): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1983.
8. Фрумкина Р. М. Цвет. смысл, сходство. М., 1984.
9. Рюмина Н. А. Свободная классификация как метод изучения семантики слов конкретной лексики. — В кн.: Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982.
10. Фрумкина Р. М. Особенности принятия решений в задачах свободной классификации. — В кн.: Системные исследования. 1982. М., 1982.
11. Фрумкина Р. М., Михеев А. В. Модели поведения при свободной классификации (на материале слов-цветообозначений). — Научно-техническая информация, сер. 2, 1982, № 2.
12. Вероятностное прогнозирование в речи. М., 1971.
13. Fillenbaum S., Rapoport A. Structures in the subjective lexicon. New York, 1971.
14. Miller G. A. A psychological method to investigate verbal concepts. — Journal of mathematical psychology, 1969, v. 6.
15. Фрумкина Р. М. Психометрические методы: общие проблемы. — В кн.: Прогноз в речевой деятельности. М., 1974.
16. Герганов Е. Н., Николаева Ц. С., Терехина А. Ю., Фрумкина Р. М., Арапов М. В. Исследование восприятия звуков методами многомерного шкалирования. — В кн.: Звуковой строй языка. М., 1979.
17. Терехина А. Ю. Геометрический подход к построению дескриптивных моделей принятия решений о сходстве. — В кн.: Дескриптивный подход к изучению процессов принятия решений при многих критериях. М., 1980.
18. Андрукович П. Ф., Васильевич А. П., Герганов Е. Н. Исследование субъективного сходства букв русского алфавита. — В кн.: Прогноз в речевой деятельности. М., 1974.
19. Кок Е. П. Зрительные агнозии. М., 1967.
20. Фрумкина Р. М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., 1974, с. 129 и сл.
21. Wierzbicka A. Lingua mentalis: the semantics of natural language. Sydney, 1980.
22. Розина Р. И. Принципы классификации в лексической семантике (имя существительное). М., 1982.
23. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
24. Annett M. The classification of instances of four common class concepts by children

- and adults.— *British journal of educational psychology*, 1959, v. 29.
25. *Пиаже Ж., Инельдер Б.* Генезис элементарных логических структур. Классификации и сериации. М., 1963.
 26. *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974, с. 69 и сл.
 27. *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М., 1977.
 28. *Тульвисте П.* О межкультурных различиях в единицах вербального мышления.— В кн.: Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982.
 29. *Шрейдер Ю. А.* Равенство, сходство, порядок. М., 1971.
 30. *Tversky A.* Features of similarity.— *Psychological review*, 1977, v. 84.
 31. *Rosch E.* Cognitive representations of semantic categories.— *Journal of experimental psychology: General*, 1975, v. 104.
 32. *Мухеев А. В.* Количественный критерий оценки «правильности» индивидуальных классификаций.— В кн.: Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982.
 33. *Русская разговорная речь.* М., 1973.